

МИР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Русское интеллектуальное наследие

В.Н. ИЛЬИН О МЕТОДОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

О.Т. ЕРМИШИН

Аннотация

Основная часть публикации представляет собой лекцию В.Н. Ильина по логике и методологии наук. Ей предшествует вступительная статья, посвященная взглядам В.Н. Ильина на философию науки. Автор статьи показывает общий подход В.Н. Ильина к логике, связь между системой морфологии, логикой и онтологией. Кроме того, автор рассматривает работы В.Н. Ильина по проблемам научного мировоззрения.

В.Н. Ильин доказывал, что логика и психология взаимосвязаны, они являются основой для научного мирозерцания. Он рассматривал понятие логики в контексте морфологии, для него центральными образами логики являлись «мысль» и «логос». По мнению Ильина, именно «логос» есть основание логики как науки о правильном мышлении. Логика есть наука («знание о знании»), через логику философия влияет на духовную жизнь человека. Логика составляет основу большинства наук. Кроме того, история философии показывает, что логика давала импульс развитию человеческой мысли в разные эпохи. Ильин утверждал, что необходима новая история логики, что должна быть написана книга о значении логического знания в истории мировой культуры. Ильин предлагал реформу традиционной логики: логика будет преобразована во всеобъемлющее знание («панлогику»), взаимодействие логики и морфологии объединит «науки о природе» и «науки о духе». Необходимость такой реформы логики Ильин связал с изменением научной картины мира в XX в., с революционными открытиями в физике (теории Н. Бора, А. Эйнштейна и других ученых).

Ключевые слова: философия науки, история науки, логика, методология, морфология, онтология, русская культура.

Ермишин Олег Тимофеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, член Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского.

oleg_ermishin@mail.ru

Цитирование: ЕРМИШИН О.Т. В.Н. Ильин о методологии и философии науки // Философские науки. 2017. № 2. С. 98–112.

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Подготовка научной публикации рукописи В.Н. Ильина «Русская наука»», грант № 15-03-00558. Книга В.Н. Ильина «Русская наука» готовится к изданию в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына.

Переданный в Россию и хранящийся в московском Доме русского зарубежья им. А. Солженицына архив Владимира Николаевича Ильина позволяет достаточно широко представить наследие мыслителя и ученого. Так, например, В.Н. Ильин до сих пор мало известен как философ науки. Взгляды В.Н. Ильина на методологию и философию науки интересны еще тем, что они соотносятся с его «системой морфологии». Среди сохранившихся в архиве работ сначала можно выделить некоторые наиболее интересные рукописи, относящиеся к указанной теме. К 1955 г. относится обширный лекционный курс «Логика и методология точных наук». Вероятно, этот курс был прочитан в Православном богословском институте св. Дионисия в Париже (Institut St. Denis), где В.Н. Ильин преподавал с 1945 г. Скорее всего, В.Н. Ильину руководством института было поручено прочитать лекции по логике. Однако он смог не только уделить внимание традиционным принципам логики (в школьном объеме), но и изложил личные, совершенно оригинальные взгляды на развитие и перспективы логики в контексте точных наук. Почему же Ильин сделал акцент именно на точные науки? Частично ответ на этот вопрос можно найти уже в его первой лекции по логике. По его мнению, философия есть, прежде всего, «система научно разработанного мирозерцания», поэтому логика в применении к точным наукам дает наиболее яркий пример последовательной и точной философской мысли. Кроме того, логика для Ильина не есть автономная сфера мысли, а связана со всей системой естественных и гуманитарных наук.

Стремлением к синтезу наук через логику Ильин не ограничился и в конце курса предложил свой проект по реформе логики. По его мнению, необходимо расширить формальную логику, основанную на «Органоне» Аристотеля, и сделать ее частью общей логики, которую можно по смыслу называть «панлогикой» или «металогикой». Создание такой новой логики должно происходить в двух направлениях: как «расширения» традиционной логики, так и разработки нового учения о ценностях — аксиологии, связанной с онтологией (учением об истинном бытии). Как полагал В.Н. Ильин, помощь в этом проекте может оказать и его учение о морфологии бытия. Свое понимание бытия Ильин основывал на понятии ограниченного «нечто», которое именовал «формой», «образом», «иконой», только «форма», по мнению В.Н. Ильина, не есть лишь видимый образ действительности (бывания, становления), а имеет динамическую и онтологическую сущность. Для объяснения «формы» Ильин прибегал к следующей схеме соотношений: 1) данная форма («этовость»), 2) ей противостоит безграничная бесформенность («все-форма»), 3) между формой и бесформенностью существует дуальная граница, образующая бесконечную потенциальность форм, 4) между формой и бесформенностью существует силовая природа границы, которая одновременно есть движущая сила (во времени) и неподвижное сопротивление (в пространстве). Так Ильин объяснял соотношение формы и содержания, акцентируя динамическую природу бытия. Очевидно

влияние на В.Н. Ильина Аристотеля, его логики и метафизики. Вместе с тем Ильин хочет реформировать учение Аристотеля применительно уже к новой, современной ему философской ситуации XX в., учитывая идеи неокантианцев и феноменологов, оценивая их как положительно, так и отрицательно. Выход из идейного тупика для Ильина возможен только в сторону религиозной онтологии, субстанциального понимания форм (Ильин сближал «формы» Аристотеля, «монады» Лейбница, «идеи-силы» А. Фуйе и понятие «субстанциальных деятелей» Н.О. Лосского). Он считал, что формальная логика приводит к формализму в решении философских проблем (к формальным решениям он относил диалектику Гегеля и схемы марбургской школы неокантианства). Формализм может преодолеть «морфология», которая охватит всю совокупность наук о природе и наук о духе. По утверждению В.Н. Ильина, проект, соединяющий металогику и морфологию, способен произвести переход от формальной и «стационарной» логики к динамическим образам морфологии.

Кроме методологии науки, большое значение В.Н. Ильин уделял анализу современного научного знания, преимущественно в области физики. Этому посвящены его работы «Миросозерцание и наука» (1955) и «Современная наука и опыт начертания новой картины мира и человечества» (1960-е гг.). В.Н. Ильин полагал, что старая научная картина мира, основанная преимущественно на позитивизме и материализме (атомизме), в XX в. оказалась полностью несостоятельной на фоне новых открытий в физике — прежде всего, квантовой теории и теории относительности. Эти новые открытия необходимо философски осмыслить и нарисовать новую картину мира, или раскрыть основы нового научного миросозерцания. Мешает философскому осмыслению тоталитарная идеология, которая готова практически использовать новые достижения физики, но препятствует их теоретическому осмыслению. Ильин резко противопоставлял науку, служащую высшей истине, и идеологию, преследующую политические цели. Подлинная наука не может быть полностью уничтожена или подчинена низменным задачам, поэтому ее ждет будущее развитие, которое, по мнению Ильина, неизбежно приведет к новой научной методологии и новой картине мира.

В дальнейшем, можно надеяться, перечисленные выше работы В.Н. Ильина по методологии и философии науки будут опубликованы, станут доступными заинтересованным читателям. Для первоначального знакомства с общим научным подходом В.Н. Ильина ниже публикуется одна из его лекций по логике. Публикация сделана по архивному машинописному тексту (с авторской рукописной правкой), хранящемуся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына (Ф. 31. Оп. 1. Д. 122. Л. 3—13). Текст публикуется по современным нормам орфографии и пунктуации. В угловых скобках раскрыты сокращения, исправлены опечатки и вставлены пропущенные буквы. Слова, которые автор напечатал на машинке прописными буквами, в данной публикации выделены курсивом.

**ОБЩЕФИЛОСОФСКОЕ ВВЕДЕНИЕ
В ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ И МОРФОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ**
(Из лекций по логике и методологии точных наук)*

В.Н. ИЛЬИН

Логика и психология, как правило, составляют курс так называемой <философской пропедевтики>, то есть предварительных и вводных в философию дисциплин. Логика и психология имеют широкое общее поле в виде наиболее нас здесь интересующей сферы научного познания. Кроме того, логика и психология представляют две конкретные философские науки очень большой значимости и полезности даже вне специальной сферы чисто философского, то есть мирозерцательного познания. Кто не желает правильно и экономно мыслить и точно изучать что-либо, кто не желает безупречно и отчетливо доказывать и защищать свои мнения, превращая их в общеобязательные положения? Кто не желает разобраться в сложном и часто загадочном мире своей и чужой душевной жизни, кто не желает, напр<имер>, хотя бы путем самовнушения, или методом вроде метода Куз¹ или йоги внести порядок и покой в расстроенный и пошатнувшийся строй внутреннего мира — своего или своих близких? Кто не желает методически и правильно разобраться в душевном и духовном мире высоких созданий творческого искусства и научно обосновать свои критические суждения об искусстве, особенно, напр<имер>, об области литературы? Кто сейчас не интересуется теориями Фрейда, Юнга, Адлера, Кюнкеля и их школ²? Кто не желает установить границы между душою и духом и освободиться от релятивистических психологизмов?

Логика и психология не только не пошатнулись за истекшие 50 лет XX в., но безмерно возросли в своем весе и в представляемом этими науками интересе. Конкретность, практическая значимость и оправданность в достигнутых результатах обеих наук стоят так высоко, как никогда. На них, кроме того, мы возлагаем свои надежды, когда речь идет о борьбе столь насыщенной актуальной с тем насильственно навязываемым фальсификатом подлинной науки и подлинной гносеологии, которым ныне марксисты и тоталитаристы наводняют мир, независимо от того, какое официально знамя несут в мир эти тоталитаристы.

Логика и психология, несмотря на их огромное значение в качестве частных и специальных наук, тем не менее, представляют *типичные философские науки* и притом *философские науки вводные и обосновывающие мирозерцание*. Это мы уже сказали и это повторяем. Науки эти

* Подготовка текста и примечания О.Т. Ермишина.

являются вводными не только педагогически, но, что гораздо важнее — по существу.

Новейшая связь философии с частными науками, их взаимопроницаемость и взаимообусловленность не вызывают ни малейшего сомнения. Такие авторы, как Виндельбанд³, Паульсен⁴, Челпанов⁵, Гиляров⁶, Лосский и другие — с именами и подлинными авторитетами — подтверждают это на каждом шагу. Даже тот факт, что одна шестая (а сейчас и гораздо большая) часть обитаемого мира терзаема и оглупляема во имя сквернейшей из когда-либо явившихся на земле философий, подтверждает в отрицательном порядке эту общезначимость философии и ее основополагающих наук — логики и психологии — в ряду других наук. Если подвести итог всем многочисленным определениям философии, к которым мы еще вернемся в виду чрезвычайной важности этой темы в отделе, изучающем определение понятий (в логике), то кратко философию можно определить как *систему научно разработанного мирозерцания, основывающегося на теории познания, психологии, онтологии, космологии, этике и эстетике*. Это все же еще слишком длинное определение можно еще сократить — и у нас получится такое определение: *философия есть система научно разработанного мирозерцания*.

Совершенно ясно, что уже одно постулирование научности в качестве основного признака философии требует обоснования философии на *теории познания* и на *логике* в первую голову, что и вполне понятно. Научность означает, прежде всего, объективную и общеобязательную, духовно принудительную общезначимость, обусловленную правильностью и точностью обоснований и выводов. Сюда надо еще отнести слаженность и стройную системность, действующую не только логически принудительно, но еще психологически притягивающе, даже эстетически чарующе и мнемонически целесообразно и педагогически полезно. Логика, т<аким> обр<азом>, не только гарантирует правильность выводов, но еще и *формальную стройность, изящество в смысле минимума средств и максимума эффекта*. Это соответствует математическому принципу: «необходимо и достаточно». Изящество в решении разного рода проблем, стройность и убедительность этих решений настолько важны, что даже в математике нередко играют роль решающей инстанции в оценках и квалификациях.

Поэтому *формообразующая, или морфологическая роль логики*, понимаемой как наука о стройных и целесообразных формах мысли, чрезвычайно значительна. И в конце этого курса, когда мы займемся *логикой форм* и *формами логики*, когда убедимся в первенствующем значении форм в бытии и познании, мы также убедимся и в том, что изучаемая нами логика есть часть общего учения о формах или образах бытия и познания. Всякая наука стремится превратиться в морфологически стройную систему чистого знания, знания, не искаженного чужими «гетерономными» элементами.

Как мирозерцание, выраженное в научных понятиях, так и каждая частная наука, независимо от того, чисто ли она умозрительного, или также и эмпирического характера — все это есть *образ*, или *строй мыслей*; да и само выражение «образ мыслей» есть очень часто выражение, дающее квалификацию, как объективно выраженного, так и субъективно содержимого строя духовной жизни, куда в первую голову (помимо религии и искусства) относятся философия и науки.

В научно мирозерцательном багаже западной, как, впрочем, и общечеловеческой культуры, для обозначения духовной связи существует два чрезвычайно важных термина-понятия: одно из них — *мысль*, другое — *логос*. По-гречески слову «мысль» соответствует *νοῦς*, переводимое часто словом «ум», хотя и по-русски слово «ум» означает свойство — нечто сильно отличное от греческого значения, склонного принимать даже личный одушевленный образ, как это мы видим в христианской ангелологии, где «умы» означают личные духовные сущности активного характера, почему еще именуются «силами» (*δυνάμεις* от *δύναμις* — сила).

Проф. А.И. Введенский⁸ определяет логику как *науку о правильном мышлении*. В этом определении соединились оба духовных образа: *мысль* и *логос*. В сущности, выражение «наука о правильном мышлении» есть тавтология («масляное масло»). Это ясно из того, что сочетание мысли и логоса предполагает уже правильность, то есть безошибочность, не искаженность, не деформированность, постановку осмысленных целей в науке и философии и их правильное («целесообразное») достижение. Само понятие логоса уже исключает из мысли неправильности и искажения. Термин «логос» имеет несколько значений, но все они положительного, нормативного, ценностного (положительно-аксиологического) значения и между собой связаны в одно целое. Логос может означать рассудок, регулирующий элементарно правильное мышление, так сказать, «четыре правила арифметики» в области мышления; логос может означать разум, то есть высшую регулирующую духовную инстанцию в области мысли и вообще духовной деятельности; логос может означать частную науку, о чем уже у нас шла речь; и, наконец, логос может означать высшую миротворящую и мироуправляющую силу — личного или безличного или сверхличного характера, каким он был в учении некоторых греческих философов, например, Гераклита Эфесского или стоиков. Эмпедокл из Агригента (сицилийский грек) вместо термина «логос» в том же смысле — и еще более выразительно — употреблял термин «Святой Дух» (*ἱερὴ φρῆν*).

Логос делает науку наукой, то есть правильной системой мыслей на данную тему и о данном предмете или о совокупности предметов; просто же «так» взятые мысли человека склонны искажаться, разъединяться, «рассыпаться», приобретать уродливую и нецелесообразную форму, склонны даже становиться вольными или невольными с хорошими целями (*bona fide*) или злостным обманом или самообманом,

короче говоря, человеку свойственно ошибаться и даже создавать целые ложные науки, построенные на лжи и самообмане; кроме того, и в «настоящих науках» много этого же рода отрицательных моментов, приводящих к заблуждению и обманам. По причине всего этого *есть настоящая нужда в науке о существе и границах познания*, а в составе этой науки есть нужда в такой ее части, *которая бы изучала формальные условия и формальные признаки правильного мышления, строящего знания и их системные слаженные комплексы, именуемые науками*.

Такой, превратившейся в самостоятельную науку частью теории познания, и будет изучаемый нами предмет, который мы именуем *логикой*.

Формальную логику, которую мы предполагаем изучать, основал и осуществил во всех ее частях знаменитый философ и ученый энциклопедист, гениальный ученик гениального Платона — *Аристотель* (384—322 до Р.Х.). Это редчайший случай создания одним человеком целой стройной науки, почти не изменившейся до нашего времени со всеми ее приемами и со всей ее терминологией. Только имя этой науки переменялось. Сам Аристотель назвал свою науку «*Органоном*», разделив ее на части — топику и аналитику. Термин «логика» возник в III в. до Р. Хр. у стоиков, очень наклонных к занятиям этой наукой и сильно двинувших ее техническое приложение к философии, особенно в этике. Родоначальником же логики, именно самой важной ее идеи об *общеобязательном знании и его законах* был великий *Сократ*.

Нам не раз придется возвращаться к идее, что логика есть знание о знании, или, если угодно — стихия знания, «среда знания».

Конечно, вся *гносеология*, <часть> которой составляет логика, может быть определена тоже как знание о знании. Но надо все время иметь в виду, что *гносеология есть наука по преимуществу философская*. Это значит, что она не только исследует условия правильного мышления, но, что она еще выясняет *отношение знания к бытию и ставит проблему знания вообще, проблему природы знания и его пределов*. Это уже связано с выбранной философом исходной, <т.е.> метафизической позицией самого гносеолога. Какой бы общефилософской позиции мы ни держались, как бы ни рассматривали природу знания, что бы ни мыслили о возможности, пределах и о невозможности знания, *всегда при этом предполагается, что мы должны мыслить правильно и общеобязательно и что законы и основы этого правильного и общеобязательного мышления совершенно независимы от исходной онтологической и космологической позиции философа, или теорий и гипотез представителя точного знания, равно как и от его индивидуальных наклонностей в мирозерцательной области*.

Другими словами, хотя и гносеология и логика являются науками о науке и знанием о знании, тем не менее, разница — и притом огромная — между ними та, что *логика призвана судить всякое мышление с точки зрения формальной его правильности совершенно независимо от*

предмета и мирозерцательных позиций того, кто является субъектом данного мышления.

Мы здесь в настоящем случае не будем заниматься классификацией философских направлений и связанных с ними направлений гносеологических. Пока укажем на то, что философские умы и вообще индивидуальные темпераменты философов можно разделить на два больших разряда: 1) те, <к>то интересуются качеством и количеством бытия и которые поэтому являются монистами, дуалистами, плюралистами, материалистами, спиритуалистами, идеал-реалистами и т.д.; 2) те, <к>то исходят из условий человеческого существования («conditions humaines»), интересуются не объектом философствования, но его субъектом, рассматривая и сам субъект философии, философствующее «я» в качестве «я» *существующего, а не сущего*.

Первый тип назовем *эссенциальным*, второй тип — *экзистенциальным*.

Экзистенциализм, забравший в руки командные посты в современной философской литературе, как будто положил конец преимущественному господству теории познания, вне которой философия сравнительно недавно просто не мыслилась, да и часто ею и исчерпывалась фактически, как это мы видим и у самого Канта, основателя теории познания («гносеологии»), так и у его эпигонов, особенно т<ак> н<азываемой> марбургской школы⁹. Совершенно естественно, что при наличии такого господства теории познания вводная и в общем господствующая часть — именно *логика* — получает совершенно исключительное значение — вроде элементарного курса математики для тех, кто проходит высший курс математики (теорию чисел, анализ бесконечно малых, высшую геометрию).

Однако, хотя теории познания пришлось потесниться на своем троне, чтобы дать рядом с собой место экзистенциализму и некоторым другим философским направлениям, это отнюдь не значит, что теория познания со своего трона свергнута. Тем не менее это можно сказать, о логике. Покуда существует точная наука и честное разыскание истины, теория познания и с нею логика будут держаться крепко. Мало того, логика окажется тем звеном, которое всегда и необходимо будет связывать философию с частными независимыми науками как естественными, так и гуманитарными. Вместе с тем логика оказывалась и по сей день оказывается единственной частью философии, к которой с полным основанием можно и должно применить эпитет *точного* отдела в системе философских знаний психологии, онтологии, космологии, этики, эстетики и др. Логика способна и эти науки, часто несмотря на персональный стиль и дух их направлений, делать знанием, а не только более или менее слаженной системой мнений, подчас ярко личного характера. Через логику философия делается даже судьей и законодателем духовной жизни человека вообще — включая *метафизику* и *богословие*. Дисциплинирующий и оформляющий характер логики делает

ее также в разных отношениях и драгоценным орудием теоретической и практической педагогики.

Несмотря на то, что смысл и содержание логики всем известны, цель ее — *правильное мышление* — тоже очевидна для всех, несмотря на то, что это самая старая из всех наук, нисколько не изменивших своего содержания за две с лишним <тысячи> лет со времени своего «официального» основателя — Аристотеля, чтобы не говорить о буддистах раннего периода — все же корректное и полное определение логики не так просто, как это может показаться или это показалось проф. А.И. Введенскому, не говоря уже о таком простачке как проф. М.М. Троицкий¹⁰ с его английскими вдохновителями. Можно, пытаясь быть кратким, сказать, что логика есть знание о знании, или система правил, регулирующих знание независимо от его конкретного содержания. Но тогда надо поставить трудный вопрос о том, *что такое знание*, и логика вынуждена прибегнуть здесь за поддержкой к гносеологии, которую поддерживает, вынуждена искать опору даже у онтологии, не говоря уже о психологии с содержащимся в ней большим и ответственным отделом, посвященным психологии мышления и познания. Известный русский неокантианец проф. И.И. Лапшин¹¹ написал два интересных тома «Философия изобретения и изобретение в философии», котор<ы>е в значительной доле своего содержания <суть> *логика открытий и изобретений*. Стало быть, верна и та точка зрения, которая смотрит на логику как на теорию расширения знаний, изобретений и открытий. Известный Уэвэлл¹² (Whewell) написал переведенную на русский язык книгу¹³. Пирсон¹⁴ (Pearson) придумал очень остроумное наименование для своего варианта логики как «Грамматика науки» (Gram<mar> of science).

Что *логика есть наука о науке* («знание о знании» — менее удачно) видно из того, что основной корень логики — «логос» (греч. Λόγος) собственно и значит науку: геология, филология, палеонтология и т.д. Таким образом, *логика есть наука как таковая, наука о науке*. Тогда не удивительно, что она, с одной стороны, лежит в основании как философских, так и всяких других наук, и что она все же по преимуществу наука философская; ведь она стоит на границе знания и является наукой нормативной. Логически нормативная наука не только в том смысле, что является системой норм или правил, обуславливающих правильность мыслей и научность положений и утверждений, но еще и их научный стиль.

Характернейшим свойством всякой науки, и логики в особенности, является критическая установка, стремление к проверке каждого положения, каждого вывода и к включению положений, признанных научными лишь после того, как критическая проверка выяснила *raison d'être* формальную и материальную безупречность понятия, каждого определения, каждого вывода, суждения и умозаключения, равно и

основанных на них теорий и систем. Логика вообще по природе «придирчива» и скрупулезна, она — враг всякой чрезмерной «приблизительности», расплывчатости, неясности, неотчетливости. В ней и на ней сосредоточились все жесткие неудобные суровые стороны ума. По самой своей природе логика не знает пощады. Зато в ней много своеобразия, изящества, стройности очертаний и той красоты, которая свойственна также и математике, у которой с логикой много точек соприкосновений, хотя ни сливать, ни, тем более, отождествлять их не приходится. Обе науки самостоятельны и имеют свои предметы. Впрочем, математика обязательно строго логична, а логика, хотя неоднократно пыталась создать для себя символику, аналогичную математической <в этом не преуспела>. Такие ученые, как Раймунд Луллий¹⁵, Лейбниц¹⁶, Фреге¹⁷, Кутюра¹⁸, Пеано¹⁹, Бурали-Форти²⁰, о. Павел Флоренский²¹ и др. брались за математизацию логики, но до сих пор эти опыты еще не увенчались полным успехом и созданием общеобязательной и общепринятой логической символики и логического знакоположения.

Почти все науки, во всяком случае, огромное их большинство, характеризуются тем, что в них по самому существу предмета ставятся и решаются разного рода проблемы («задачи»), прямо или косвенно имеющие отношение к данной науке (к ней так сказать тяготеющие) и как преследуемым этой наукой целям. Есть науки, которые целиком или в большей своей части состоят из доказательства или выведения составляющих эту науку положений, равно как из решения ставимых этой наукой и решаемых на основании ее данных «задач» («проблем»). Сюда относятся: вся совокупность математических наук, очень значительная часть космографических наук, физико-химических наук, заметная часть наук гуманитарных, особенно относящихся к чистому языкознанию, почти все музыкалогические науки (тяжеловесные сборники задач по элементарной теории, гармонии и контрапункту хорошо известны), все без исключения прикладные и строительные науки, являющиеся в сущности большими руководствами для решения ставимых жизнью и строительством задач, военно-стратегические науки и т.д. Все это, в сущности, задачи по логике, но со специальным содержанием. Все науки до такой степени пропитаны прямо или косвенно, сознательно или бессознательно, правилами логики, что иной раз можно себе поставить вопрос — он неоднократно и ставился: зачем специальное изучение логики, даже зачем ее отдельное существование в качестве отдельной дисциплины, если ее правила заложены в законы каждой науки и соблюдаются каждым ученым, обладающим здравым смыслом, твердой памятью и тем даром, который есть дар интуиции, а по-русски так выразительно именуется «смекалкой»?

Действительно, в огромном большинстве случаев правила логики неразрывно сращены с законами конкретных наук и даже из них и вы-

ведены, подобно тому, как правила теории, гармонии и контрапункта выведены из наличного творчества великих художников музыкального искусства, из практической деятельности композиторов.

Однако всем известно, особенно из имеющих дело с преподаванием композиции, равно как и изучавшим историю музыки и биографии композиторов — насколько важно избежать открытия давно открытых «америк» и «сокращать опыты быстротекущей жизни»²² — по гениальному выражению Пушкина. Если же обратимся к великим ученым и их открытиям, вообще к истории наук в эпохи закладывания фундаментов, то мы с удивлением констатируем тот факт, что это закладывание фундамента того величественного здания, которое можно наименовать *Akademia* и *Universitas Litterarum*, относится к тем эпохам, когда вследствие преимущественного господства гуманитарных знаний и главным образом философии изучение логики, как отдельной науки, и логические диспуты с решением тончайших, труднейших с формальной точки зрения задач были основным содержанием академической жизни не только Запада, но и Востока, по-видимому, всего культурного мира.

И лишь наовострившееся в течение долгих столетий и тысячелетий, обогащенное опытом научной тренировки в логико-грамматических тонкостях человечество достигло такой изошренности ума, которая помогла ему не только разбираться в деталях научной проблематики, находить грубые ошибки в так называемом «здравом смысле» обывательского рассудка, часто поражающего как тяжелой язвой рассуждения умных людей и больших ученых, не говоря уже об ограниченностях и нелепых, немощных глупцах, осмеливающихся судить подлинные умы. Только после тренировки на этих кажущихся нелепостями невеждам и глупцам тонкостях удавалось избранникам делать те открытия, которыми гордится так называемое «человечество» — в том числе и убийцы, гонители гениев, все эти «бобчинские» и «добчинские», прихлебатели и приживалы науки, в действительности, ее тормоза и губители.

Примеров сколько угодно. Только чтобы иметь их в руках и уметь ими пользоваться, надо изучать историю не одной какой-нибудь точной или прикладной отрасли, но всю связанную с нею эпоху вместе с ее академической и культурной жизнью и укладом, с нравами и обычаями ученых и академических корпораций изучаемых эпох. Вот, например, сократическая школа мегариков, известных своими пристрастиями к диалектическим тонкостям и придиричностью своей диалектики. Из школы мегариков, ведущих свой духовный род от неутомимого и придиричвого диалектика и моралиста Сократа, вышел гениальный Эвклид, по геометрии которого мы учимся по сей день (см. его «Начала», переведенные и комментированные проф. Киевского университета Вашенко-Захарченко²³). Из той же школы вышел величайший в мире философ Платон, диалоги которого представляют

не только школу логики, из которой вышел «Органон» Аристотеля, та логика, которую мы в настоящее время изучаем <как все> еще настоящую энциклопедию гуманитарных и точных наук; эта энциклопедия, оплодотворенная мистикой, метафизикой и физико-математикой пифагорейцев, дала такую энциклопедию естественных наук и математики как диалог «Тимей», некоторые части которого сохранили всю свою значимость и в наше время. Этот диалог в соединении с сочинением Порфирия «Об истолковании» («Περὶ ἑρμηνείας», «de interpretationis»), сочинениями Аристотеля, включая его «Органон» и других, так изощрили ум среди новых диалектиков на постоянных диспутах, так отучили их в богословско-метафизических спорах и умственных турнирах от всякой обывательщины и от рабствования пустой видимости, от обывательского материализма и практицизма — злейших врагов подлинного знания, столь нужного для практики, что европейский дух, получив на долгое время нужную зарядку, стал, когда наступило время, делать одно открытие за другим.

К сожалению, история логики в связи с историей общей культуры и науки еще по-настоящему не написана. Мы имеем порядком устаревший труд Прантля «История логики на Западе» (Prantl, «Geschichte der Logik im Abendlandes»), написанный в середине XIX в. и отдельные истории отдельных наук, иногда в высшей степени ценные, вроде, например, Морица Кантора (Morritz Kantor) «История математики» («Geschichte der Mathematik»), Лосева «Античный космос и современная наука» (М., 1929), Гоппе (Hoppe) «История физики» («Geschichte der Physik») и др. Федерига Энрикеса (Federigo Enriques) «Эволюция логики» («L'évolution de la logique», пер. с испанского, Paris, 1926) из рук вон плоха, плоска и совершенно лишена исторических перспектив. По сей день тот, кто пожелал бы убедиться в правде высказанного здесь положения должен тщательно изучить историю древней, а в особенности средневековой философии. Труд, в котором приведены в должное равновесие наука, культура, философия и искусство и где показаны заслуги средневекового мирозерцания в деле изощрения ума на предмет позднейших открытий, еще не напечатан (Проф. В.Н. Ильин. «История средневекового мирозерцания и средневековой науки и их значение для развития наук нового времени»²⁴). Но факт налицо. Изощрение ума в логических тонкостях привело к эпохе великих открытий. И горе человечеству, если оно, превратившись в не помнящего родства дикаря и став духовно на четвереньки, неблагодарно забудет тех и то, чему оно всецело обязано в достижениях, которыми оно так гордится!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куэ Эмиль (1857–1926) – французский психотерапевт, автор метода, основанного на самовнушении. В 1910 г. организовал клинику психотерапии в Нанси.

² В.Н. Ильин назвал наиболее известных авторов психоаналитического направления Зигмунда Фрейда (1856–1939) и Карла Густава Юнга (1875–1961), добавив к ним австрийского психиатра Альфреда Адлера (1870–1937) и немецкого психиатра Фрица Кюнкеля (1889–1956), которые представляли независимую от психоанализа школу психотерапии.

³ Виндельбанд Вильгельм (1848–1915) – немецкий философ, представитель Баденской школы неокантианства. Вероятно, В.Н. Ильин упоминает В. Виндельбанда в связи с его классификацией наук, делением наук на номотетические (законополагающие) и индивидуализирующие, или идиографические.

⁴ Паульсен Фридрих (1846–1908) – немецкий философ и педагог. Разработал систему этики, исследовал соотношение этики и педагогики, общей целью которых считал совершенствование индивидуальной личности.

⁵ Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) – русский философ и психолог, профессор Киевского и Московского университетов. Автор исследований по философии и психологии, его основные интересы находились на границе этих двух наук.

⁶ Гиляров Алексей Никитич (1856–1938) – русский философ, профессор Киевского университета. Автор ряда трудов по истории древнегреческой философии. Одновременно активно занимался проблемами экспериментальной психологии.

⁷ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ. Создатель оригинальной версии интуитивизма. С 1922 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, США, Франции. Вероятно, В.Н. Ильин подразумевает интерес Н.О. Лосского к психологии в ранний период и его магистерскую диссертацию «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (1903).

⁸ Введенский Александр Иванович (1856–1925), русский философ, профессор Петербургского (Петроградского) университета. Читал лекции по логике, психологии и истории философии. В.Н. Ильин приводит определение логики из книги А.И. Введенского «Логика для гимназий с дополнениями для самообразования» (СПб., 1910. С. 4).

⁹ Марбургская школа неокантианства основана Германом Когеном (1842–1918) и Паулем Наторпом (1854–1942), опиралась на теорию трансцендентальной дедукции Канта, делала акцент на познание действительности через логические понятия.

¹⁰ Троицкий Матвей Михайлович (1835–1899) – русский философ и психолог. С 1875 г. профессор Московского университета. Основатель и первый председатель Московского психологического общества. Последователь эмпиризма, к обоснованию которого обратился после научной командировки в Германию в труде «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка» (М., 1867).

¹¹ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – русский философ, профессор Петербургского (Петроградского) университета. С 1922 г. – в эмиграции, жил в Чехословакии. В.Н. Ильин упоминает его известный труд «Философия изобретения и изобретение в философии» (Пг., 1922. Т. 1–2; 2-е изд. Прага, 1924).

¹² Уэвэлл Уильям (1794–1866) – английский философ, теолог, историк науки, профессор Кембриджского университета. Автор трудов по философии и истории индуктивных наук, морали и логике.

¹³ Уэвэлл У. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени. В 3 т. – СПб., 1867–1869.

¹⁴ Пирсон Карл (1857–1936) – английский математик, биолог, философ. С 1884 г. профессор Лондонского университета. В.Н. Ильин упоминает его книгу «The Grammar of science» (1892), которая выходила в русском переводе (Пирсон К. Грамматика науки. – СПб., 1911).

¹⁵ Раймунд Луллий (ок. 1235–1315) – испанский теолог, философ, миссионер. Один из родоначальников комбинаторики (раздела математики). Автор труда

«Великое искусство» («*Ars magna*»), в котором предложил логический метод, направленный на выявление общих понятий и их соотношений.

¹⁶ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий философ, логик, математик. Создатель комбинаторики (комбинаторного анализа) как отдельной науки. Автор труда «Рассуждения о комбинаторном искусстве» («*De arte combinatoria*», 1666), в котором рассматривал также вопрос о создании символической логики.

¹⁷ Фреге Фридрих Людвиг Готлоб (1848–1925) – немецкий логик, философ, математик. Развивал в философии математики идеи логицизма, стремясь свести основные математические понятия к понятиям логики. Автор известного труда «Исчисление понятий, или Подражающий арифметике формальный язык чистого мышления» («*Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens*», 1879).

¹⁸ Кутюра Луи (1868–1914) – французский математик, логик. Разрабатывал философские основы математики и математическую логику. Автор труда «Принципы математики» («*Les principes des mathématiques*», 1905; рус. перевод: *Кутюра Л.* Философские принципы математики. – СПб., 1913).

¹⁹ Пеано Джузеппе (1858–1932) – итальянский математик. Один из создателей математической логики. Пропагандист символической логики, разработчик логической идеогрфии как символического языка.

²⁰ Бурали-Форти Чезаре (1861–1931) – итальянский математик. Занимался в основном развитием векторного анализа и теорией векторов. В 1894–1896 гг. – помощник Дж. Пеано в работе над философскими основаниями математики. Автор парадокса Бурали-Форти в теории множеств.

²¹ Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – русский философ, богослов, священник. Выпускник физико-математического факультета Московского университета и Московской духовной академии, в которой преподавал историю философии в 1908–1918 гг. В своих религиозно-философских и богословских трудах активно использовал философско-математические идеи. Автор книги «Мнимости в геометрии» (1922). Специально математической логикой не занимался. Вероятно, В.Н. Ильин включил Флоренского в один ряд с математиками и логиками, подразумевая некоторые его размышления об иерархии символов в статье «О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора)» (1904).

²² Неточная цитата из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), в оригинале: «Учись, мой сын: наука сокращает / Нам опыты быстротекущей жизни».

²³ Ващенко-Захарченко Михаил Егорович (1825–1912) – русский математик. Профессор Киевского университета. В.Н. Ильин подразумевает издание: *Эвклид*. Начала / с пояснительным введением и толкованиями М.Е. Ващенко-Захарченко. – Киев, 1880.

²⁴ В архиве В.Н. Ильина сохранились неопубликованные лекции по средневековой философии под общим названием «История средневековой философии в связи общей историей культуры, науки и богословия». Вероятно, В.Н. Ильин имел в виду именно этот труд, который планировал напечатать.

V.N. ILYIN ON METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

О.Т. ЕРМИШИН

Summary

The main part of the publication is V.N. Ilyin's lecture on logic and methodology of sciences. It is devoted to V.N. Ilyin's views of philosophy of science. The author of article shows the general approach of V.N. Ilyin to logic, relation between the system of morphology, logic and ontology. Besides, the author of article considers V.N. Ilyin's works on problems of scientific world view. V.N. Ilyin proved that logic

and psychology are interconnected, he was of opinion that these sciences were the basis for scientific world view. He had considered the notion of logic in the context of morphology, the central images of logic for him were “Thought” and “Logos”. In Ilyin’s opinion, “Logos” is the basis of logic of science about the correct thinking. The logic is science (“knowledge of knowledge”), as well as philosophy through logic influences to spiritual human life. The logic makes the basis the majority of sciences. Besides, the history of philosophy shows that the logic gave impulse to development of human thought during all eras. Ilyin maintained that new history of logic is necessary in science. The book about the value of logical knowledge in the history of world culture has to be written. Ilyin offered reform of traditional logic: logic will be transformed to comprehensive knowledge (“pan-logic”), the interaction of logic and morphology will unite “sciences about the nature” and “sciences about spirit”. Ilyin had connected such reform of logic with the change of a scientific world view in the 20th century, with revolutionary discoveries in physics (the theories of N. Bohr, A. Einstein and other scientists).

Keywords: philosophy of science, history of science, logic, methodology, morphology, ontology, Russian culture.

Ermishin, Oleg – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Research Centre of Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Member of the Zenkovsky Society of Historians of Russian Philosophy.
oleg_ermishin@mail.ru

Citation: *ERMISHIN O.T.* (2017) V.N. Ilyin on Methodology and Philosophy of Science. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 2, pp. 98–112.